

УДК 343.13

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kafedraUPD2015@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Рассматриваются сущность и правовая природа законодательной новеллы российского права – запрета определенных действий. Исследуются смежные категории и иные меры пресечения, имплементируемые в уголовной практике. Осуществляется анализ проблемных аспектов применения рассматриваемой меры пресечения. Среди выявленных проблем отмечаются проблема контроля за исполнением условий запрета, целесообразность запрета на пользование информационно-телекоммуникационной сетью Интернет, дублирование норм, регламентирующих домашний арест и запрет на выход из места проживания, и пр. Приводится оценка соотношения указанной меры пресечения с конституционным принципом соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на выявленные недостатки, возникновение в отечественном уголовно-процессуальном законе такой меры пресечения, как запрет определенных действий, понимается автором как закономерный шаг на пути к гуманизации уголовно-процессуального законодательства и повышению эффективности судопроизводства.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, уголовно-процессуальное законодательство

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS AS A PREVENTIVE MEASURE

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kafedraUPD2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, the branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article is devoted to the consideration of the essence and legal nature of the legislative novelty of Russian law – the prohibition of certain actions. The author of the article refers to related categories and other preventive measures implemented in criminal practice. In addition the article contains an analysis of the problematic aspects of the application of the considered preventive measure. Among the problems identified are the problem of monitoring the fulfillment of the conditions of the ban, the expediency of a ban on the use of the Internet information and telecommunications network, duplication of the rules governing house arrest and a ban on leaving the place of residence, and so on. An assessment is given of the correlation of this preventive measure with the constitutional principle of proportionality of the restriction of the rights and freedom of a person and a citizen. Nevertheless, despite the shortcomings identified, the emergence in the domestic criminal procedure law of such a measure of restraint as “prohibition of certain actions” is considered by the author as a natural step towards the humanization of criminal procedure legislation and increasing the efficiency of legal proceedings.

Keywords: preventive measure, house arrest, prohibition of certain actions, criminal procedural law

DOI 10.21777/2587-9472-2023-2-43-48

Уголовно-процессуальный сегмент национального законодательного массива большинства стран находится под влиянием тенденций гуманизации и эффективизации. В связи с этим законодатель предпринимает попытки дифференцировать спектр применяемых правовых средств посредством внесения альтернативных мер пресечения. Целью подобных устремлений выступает нахождение баланса между защитой прав и законных интересов потерпевших и защитой лиц, в отношении которых

осуществляется уголовное преследование, от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод [1, с. 179]. При этом изменение перечня мер пресечения должно происходить по трем векторам:

- 1) расширение спектра мер пресечения;
- 2) исключение мер, утративших актуальность из-за изменения характера общественных отношений;
- 3) пересмотр существующих мер с целью недопущения дублирования законодательных конструкций.

Важным шагом к модернизации отечественного уголовно-процессуального массива стало принятие Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, посредством которого был скорректирован Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в отношении залога и домашнего ареста. Положения отмеченного закона, помимо прочего, ввели в законодательный массив новую меру пресечения – запрет на определенные действия (ст. 105.1 УПК РФ). Данные новации привели к активизации научно-теоретических и прикладных дискуссий. Нельзя сказать, что в отношении новой меры пресечения сформировалось однозначное мнение, тем не менее, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что данная мера выступила отражением стремления законодателей гуманизировать и индивидуализировать нормы российского уголовно-процессуального законодательства [2, с. 43]. Вместе с этим в новейших публикациях нередко можно встретить мнение о том, что избрание и применение мер пресечения в форме запрета на совершение определенных действий потенциально представляют собой проблемный аспект уголовно-процессуального правоприменения, т.к. имплементация указанных мер непременно затрагивает права и свободы граждан, в том числе конституционные [3, с. 191]. Применение мер пресечения должно иметь место только в тех случаях, когда оно оправдано с точки зрения предупреждения совершения противоправных действий.

Среди всех накопленных в юриспруденции дефиниций мер пресечения внимания заслуживает, помимо прочих, определение, представленное З.А. Пирмагомедовой, согласно которой меры пресечения – «уголовно-процессуальные инструменты принудительного влияния, используемые исключительно на основаниях и в порядке, которые закреплены в УПК РФ, специально уполномоченными органами и должностными лицами относительно обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого)», а целями применения подобных мер выступают: устранение возможности сокрытия обвиняемого от представителей правоохранительных органов; недопущение продолжения осуществления преступных действий; устранение препятствий для производства по уголовному делу; гарантия исполнения приговора суда [Там же]. Г.Б. Петрова и М.А. Лавнов дополняют данный список: меры пресечения применяются с целью нейтрализации риска угроз участникам процесса, поступающих от обвиняемого, кроме того, посредством принятия подобных мер можно обеспечить сохранность улик и доказательств [1, с. 178].

Внедрение в правовой массив такой меры пресечения, как запрет на совершение определенных действий, обусловлено рядом причин и факторов, которые условно можно объединить в рамки концепции гуманизации права. Одной из причин является убежденность в том, что заключение под стражу в современных условиях является крайней мерой, которую при возможности следует исключать [4, с. 173].

Запрет на выполнение определенных действий как мера пресечения существенно отличается от иных мер пресечения. К примеру, в ситуации запрета на управление транспортным средством у подозреваемого или обвиняемого изымается водительское удостоверение, которое впоследствии приобщается к уголовному делу. Согласно положениям описанного закона полный перечень мер пресечения, связанных с запретом определенных действий, выглядит следующим образом:

- 1) выходить за пределы жилого помещения, в котором проживает объект наложения запрета, в определенные временные интервалы;
- 2) находиться в определенных местах либо приближаться к ним на дистанцию, установленную судом;
- 3) посещать определенные мероприятия и принимать участие в них;
- 4) поддерживать коммуникацию с определенными лицами;
- 5) высылать и получать почтово-телеграфные отправления;
- 6) использовать средства связи и интернет;
- 7) управлять транспортным средством – в ситуациях, если преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

Положительной чертой новой меры, согласно Л.И. Лесной, выступает «шаг в сторону укрепления позиций на рынке представителей малого и среднего бизнеса» [5, с. 147]. Речь идет о том, что подозреваемый или обвиняемый, подвергнутый домашнему аресту, ранее лишился возможности продолжать или инициировать хозяйственную деятельность, за исключением случаев назначения доверенного лица для представления бизнес-интересов обвиняемого или подозреваемого (ст. 46 и 47 УПК РФ). Новая мера пресечения сохраняет возможность ведения бизнеса.

В целом, правовая природа и сущность новой процессуальной концепции «запрет определенных действий» вполне ясны и прозрачны в теории, однако в реальной практике обращение к подобной разновидности мер пресечения вызывает множество вопросов. Следует рассмотреть подобные проблемные аспекты и понять, каким образом они могут негативно сказываться на качестве правосудия. Наиболее очевидной проблемой, лежащей на поверхности современного правосудия, является, по мнению З.А. Пирмагомедовой, то, что запрет на выход из помещения проживания лишает объекта запрета возможности посещать аптеки, магазины, учреждения здравоохранения [3, с. 192–193]. При этом подобный запрет оказывается явно несправедливым в отношении одиноких лиц, инвалидов и других категорий граждан, для которых изоляция априори невозможна.

Кроме того, запрет на выход из локации проживания или пребывания дублирует нормы, регламентирующие специфику реализации домашнего ареста (ч. 7 ст. 107), при этом данные нормы в них изложены по-разному, а запрет на совершение определенных действий, который должен быть более мягкой мерой, фактически отождествляется с домашним арестом. Дублирование правовых конструкций наблюдается и в части применения средств связи и интернета. Законодатель, как указывают Г.Б. Петрова и М.А. Лавнов, «перемешал содержание двух мер пресечения, создавая правоприменителю трудности в их разграничении» [1, с. 181].

Весьма важным барьером на пути к повсеместному использованию меры «запрет на совершение действий» в качестве альтернативы домашнему аресту выступает невозможность контроля исполнения условий запрета, а также диффузия полномочий в кругу лиц, которые данный контроль должны осуществлять. К примеру, достаточно сложно проконтролировать исполнение запрета на вождение транспортного средства, а законодатель, к сожалению, оставил данный аспект без регулирования. Вполне логичным представляется предположение о том, что ответственность за контроль исполнения условий такого запрета следует возложить на органы исполнительной власти, несущие правоприменительные функции совместно с органами по обеспечению безопасности дорожного движения [Там же, с. 182]. Кроме того, выдача подобного запрета, как правило, сопровождается детальным описанием условий исполнения данной меры пресечения (адрес пребывания, периоды времени, населенный пункт и район, с которыми связаны запреты), однако изложение данных условий никак не влияет на «качество» исполнения запрета, т.е. даже при указании номерных данных транспортного средства объект запрета может воспользоваться иным автомобилем, выехать за пределы дворовой территории в ночное время и т.п.

Проблема контроля за исполнением условий запрета актуальна и для запретов в отношении почтовой, телеграфной связи, интернет-коммуникации, особенно в ситуациях, когда подозреваемый или обвиняемый не связан запретом на выход из локации проживания. Вполне справедливый вопрос задает А.Р. Белкин: «Как можно проконтролировать соблюдение такого запрета лицом, свободно гуляющим по городу?» [2, с. 47]. Даже при произведении следственного действия – ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию – исходящую коммуникацию другого типа задержать практически невозможно.

Запрет использования телекоммуникаций и сети Интернет (далее – Сеть) – один из наиболее дискуссионных вопросов законодательной теории и практики, особенно в отношении контроля за исполнением подобного запрета. На сегодняшний день контроль за соблюдением запрета на использование электронных коммуникационных технологий реализуется посредством проверки информации, предоставляемой операторами сотовой связи и телекоммуникационными компаниями в отношении входящих и исходящих звонков, сессий подключения к Сети, использованного объема интернет-трафика, IP-адреса и прочих составляющих «цифрового следа» обвиняемого или подозреваемого. Тем не менее, ни один из перечисленных путей контроля исполнения запрета на применение коммуникационного инструментария не позволяет достоверно доказать или исключить случаи использования средств связи лицом, в отношении которого был наложен запрет. Обойти подобный запрет не составляет никакого

труда – за счет VPN-программ, пользования устройствами третьих лиц, сокрытия дополнительного телефона или SIM-карты. Ю.В. Михайлина приходит к аналогичному тезису: доступность средств связи, возможность переадресации вызова и прочие опции позволяют вполне эффективно обойти соответствующий запрет. Более того, лица, которые по решению судьи не могут использовать средства связи, в абсолютном большинстве случаев проживают с родственниками, супругами или сожителями, которые могут систематически содействовать обходу запрета [6, с. 207].

Следовательно, в законодательном массиве существует пробел, который в принципе обесценивает саму сущность запрета на применение телекоммуникаций. Требуется либо исключить данное положение из текстов уголовно-процессуального законодательства, либо обеспечить его исполнительными гарантиями и прописать методологию контроля.

Еще одним проблемным вопросом можно считать регламентацию запрета на общение с определенными людьми. Контроль за исполнением условий данного запрета представляется крайне затруднительной задачей, т.к. ни одна из мер, за исключением круглосуточного наблюдения, не может гарантировать его исполнение. В сущности, исполнить букву закона можно только при наличии сопутствующего запрета на выход из помещения проживания. Тем не менее, совокупность данных запретов можно приравнять к иной мере пресечения – домашнему аресту. В данной связи возникает вопрос о целесообразности введения категории «запрет на общение с определенными людьми».

Несмотря на сказанное, следует признать, что запрет на общение с определенным кругом лиц, как показывает зарубежный опыт, является действенной мерой, исключать которую из кодифицированных норм пока преждевременно. Возможно, практика применения запрета подобного рода может быть усовершенствована в будущем за счет визуальных и интеллектуальных инструментов идентификации лиц и личностей. В.А. Тимошкина указывает, что передовые технологии интеллектуального видеонаблюдения, набирающие популярность, «могут стать эффективным подспорьем для улучшения качества контроля за избираемыми запретами» [7, с. 133].

Вернемся к вопросу о запрете на использование Сети, но рассмотрим его не с позиции контроля, а с точки зрения его конституционности и справедливости. А.А. Бакрадзе, Д.О. Белов и А.Н. Калинин пишут о том, что в контексте современной волны цифровизации виртуальные технологии создают собственные законы, социум, экономику и государство – «метавселенные» [8, с. 25]. Человек, в отношении которого распространяется запрет на использование Сети, оказывается изолированным от «метавселенной» – социальных связей, бизнеса, рабочего окружения, возможности консультационного и иного обслуживания. Современный человек обладает объективной цифровой зависимостью, а большинство его социальных и экономических потребностей реализуется именно в Сети. Вынужденное извлечение человека из сетевого пространства означает не только обрыв определенного канала связи (как это следует из логики законодателя), но и приостановку многих или даже большинства необходимых человеку процессов жизнедеятельности. Более того, само государство вносит свой вклад в развитие цифровой зависимости своих граждан, передавая значительную часть социальных и экономических потребностей в сетевое пространство (портал «Госуслуги», онлайн-записи к врачам, виртуальные почтовые сервисы и прочие компоненты «электронного государства»).

О.В. Овчинникова приходит к аналогичному выводу. По ее мнению, большая часть населения использует Сеть в реализации жизненно важных потребностей, следовательно, возложение на подозреваемого или обвиняемого запрета на ее применение является неконституционным. Способом решения данного противоречия выступает дополнение положений закона определенными изъятиями или допущениями [9, с. 74]. Право на доступ в Сеть можно считать (и считается таковым в правовой парадигме стран Запада) неотъемлемым элементом социализации и универсальным правом личности. Российская судебная практика игнорирует данный факт и не признает конституционного характера данного права. Более того, в отечественной судебной практике уже имеются прецеденты отказа в удовлетворении требования о доступе в Сеть, к примеру обвиняемый был трудоустроен удаленно, а доступ к интернету был необходим ему для оказания материальной поддержки членам его семьи [Там же, с. 73–74].

Говоря об изъятиях или допущениях, требуемых в отношении регламентации права на доступ к Сети, следует сказать о том, что рациональным выходом из сложившейся ситуации будет наложение запрета только на те формы виртуальной активности, которые могут повлечь наступление последствий

определенного рода, например когда интернет используется для угроз свидетелям, сокрытия улик, продолжения преступной деятельности и т.п. Обвиняемым или подозреваемым в любом случае потребуется доступ к portalу государственных услуг, онлайн-банкингу, кабинету налогоплательщика и иным социальным сервисам. Тотальное ограничение виртуальной активности представляется избыточной мерой, которая, при этом, не влияет на качество правосудия и обеспечение его интересов.

Возможно, определение суда по наложению запрета на использование Сети должно содержать перечисление конкретных действий, выполнение которых запрещается обвиняемому или подсудимому. Сложность ситуации заключается в том, что, получив доступ к интернету, пусть и в ограниченных масштабах, объект запрета может воспользоваться этим с целью продолжения ведения криминальной деятельности в «цифровой» среде. По мнению О.В. Овчинниковой, количество преступлений, совершенных в виртуальном пространстве, увеличивается на 50–60 % ежегодно. В приведенных ситуациях, т.е. когда объект запрета имеет опыт ведения подобной незаконной деятельности, правоприменитель может и должен ограничивать как физическую, так и «цифровую» свободу обвиняемого или подозреваемого [9, с. 71].

Безусловно, спектр проблемных аспектов, связанных с регламентацией новой для российского правового поля категории «запрет определенных действий», не исчерпывается приведенными. Исследователи поднимают и многие другие, интересные с точки зрения юридической теории и практики вопросы и кейсы применения исследуемой меры пресечения. А.В. Ендольцева, к примеру, рассматривает вопросы пересечения исследуемой нами предметной области с категорией «домашний арест». По ее мнению, следует более глубоко проработать такой вид запретов, как запрет «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения» (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). К примеру, если суд определит, что несовершеннолетний обвиняемый или подозреваемый не может покидать жилое помещение в ночное время, это автоматически переводит данный запрет в административно-правовую плоскость (вместо уголовно-процессуальной) [10, с. 66]. Т.Б. Рамазанов и А.Р. Керимова говорят о возможности расширения нормы запретами «употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества, играть в азартные игры, совершать иные провоцирующие девиантное поведение действия» [11, с. 172].

Таким образом, возникновение в отечественном уголовно-процессуальном законе такой меры пресечения, как запрет определенных действий, представляется нам закономерным шагом на пути к гуманизации уголовно-процессуального законодательства и повышению эффективности судопроизводства. Тщательный анализ регламентации указанной меры пресечения приводит к выводу о необходимости реформирования системы мер пресечения, особенно в отношении их практической реализации. Представляется, что дальнейшие исследования обозначенных проблем должны быть ориентированы на конкретизацию целей мер пресечения, установление конкретных ограничений, соответствующих заявленным целям, выработку действенного механизма контроля за исполнением возложенных ограничений.

Список литературы

1. Петрова Г.Б., Лавнов М.А. Запрет определенных действий: правовая природа и особенности применения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 6. – С. 176–184.
2. Белкин А.Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 2. – С. 43–50.
3. Пирмагомедова З.А. О некоторых законодательных новеллах в части регламентации отдельных мер пресечения // Закон и право. – 2021. – № 11. – С. 191–193.
4. Алексеев И.М., Соболев А.В. Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 173–176.
5. Лесная Л.И. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Молодой ученый. – 2018. – № 49. – С. 147–150.
6. Михайлина Ю.В. О некоторых проблемах исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4. – С. 206–209.
7. Тимошкина В.А. К вопросу о некоторых проблемах, возникающих при избрании запрета определенных действий в качестве меры пресечения // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 4. – С. 130–134.

8. *Бакрадзе А.А., Белов Д.О., Калинин А.Н.* О конституционности запрета на использование сети Интернет подозреваемым или обвиняемым // *Юридические исследования.* – 2022. – № 3. – С. 19–32.
9. *Овчинникова О.В.* Совершенствование системы мер пресечения в условиях цифровизации // *Правопорядок: история, теория, практика.* – 2022. – № 3. – С. 70–75.
10. *Ендольцева А.В.* Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы // *Вестник экономической безопасности.* – 2019. – № 1. – С. 64–67.
11. *Рамазанов Т.Б., Керимова А.Р.* Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета.* – 2022. – № 2. – С. 172–173.

References

1. *Petrova G.B., Lavnov M.A.* Zapret opredelennyh dejstvij: pravovaya priroda i osobennosti primeneniya // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii.* – 2018. – № 6. – С. 176–184.
2. *Belkin A.R.* Zapret opredelennyh dejstvij – horosho li on opredelen? // *Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process.* – 2019. – № 2. – С. 43–50.
3. *Pirmagomedova Z.A.* O nekotoryh zakonodatel'nyh novellah v chasti reglamentacii otidel'nyh mer presecheniya // *Zakon i pravo.* – 2021. – № 11. – С. 191–193.
4. *Alekseev I.M., Sobol' A.V.* Aktual'nye problemy primeneniya mery presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii.* – 2022. – № 2. – С. 173–176.
5. *Lesnaya L.I.* O novej mere presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij // *Molodoj uchenyj.* – 2018. – № 49. – С. 147–150.
6. *Mihajlina Yu.V.* O nekotoryh problemah ispolneniya mery presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry.* – 2020. – № 4. – С. 206–209.
7. *Timoshkina V.A.* K voprosu o nekotoryh problemah, vznikayushchih pri izbranii zapreta opredelennyh dejstvij v kachestve mery presecheniya // *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii.* – 2022. – № 4. – С. 130–134.
8. *Bakradze A.A., Belov D.O., Kalinin A.N.* O konstitucionnosti zapreta na ispol'zovanie seti Internet podozrevaemym ili obvinyaemym // *Yuridicheskie issledovaniya.* – 2022. – № 3. – С. 19–32.
9. *Ovchinnikova O.V.* Sovershenstvovanie sistemy mer presecheniya v usloviyah cifrovizacii // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika.* – 2022. – № 3. – С. 70–75.
10. *Endol'ceva A.V.* Zaprety, nalagaemye na podozrevaemogo ili obvinyaemogo v kachestve mery presecheniya: diskussionnye voprosy // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti.* – 2019. – № 1. – С. 64–67.
11. *Ramazanov T.B., Kerimova A.R.* Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy primeneniya zapreta opredelennyh dejstvij v ugovolnom processe // *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2022. – № 2. – С. 172–173.